

§ 48. Говоря о реальности фонемы, нужно иметь в виду: во-первых, что она действительно существует в языке как некая особая отличная от других языковая единица; во-вторых, что фонема, будучи единицей звуковой стороны языка, обладает через выражающие ее звуки речи определенными, хотя и очень сложными фонетическими характеристиками. Как уже говорилось, слова и морфемы, будучи знаками, обладают и планом выражения (материальным обликом), и планом содержания (значением), поэтому два слова или две морфемы могут различаться как обеими этими сторонами, так и одной из них. Фонемы же не имеют значения, поэтому их различие может обнаруживаться только в неодинаковости звучания. Одного различия значений, как это показывают факты омонимии, недостаточно для того, чтобы заключить о различии фонематического состава слов; /ka'sa/ *коса*, например, представляет три разных слова, но при этом оно сохраняет тот же состав и расположение фонем. Точно так же тождество значения само по себе не говорит о тождестве фонемного состава слов; об этом свидетельствуют встречающиеся почти во всех языках случаи разного (дублетного) произношения одних и тех же слов, например: /abu'slov'ivat'/ *обусловливать* и /abu'slavl'ivat'/ *обуславливать*, /v'erx/ и /v'er'x/ — *верх*, /ka'loša/ и /ga'loša/ *калоша* и *галоша* и др. Если бы различие между /k/ и /g/, /o/ и /a/, /r/ и /r'/ не имело в русском языке фонематического значения, то разница в произношении указанных слов могла бы остаться незамеченной говорящим по-русски. Но так как наличие одного или другого члена пары в большинстве случаев не безразлично, а обязательно в соответствующем слове (ср. /o/ в *нос*, /a/ в *сад*, /r/ в *рак*, /r'/ в *ряд*), то они распознаются также и при факультативном выборе одного из них.

§ 49. Из фактов, рассмотренных в предыдущем параграфе, видно; что фонемы обособляются от слов, в которых они встречаются. Входя в состав не одного, а многих слов, и притом в различных сочетаниях, фонема оказывается независимой от каждого отдельного слова. Иначе говоря — фонемы, будучи, как правило, элементами более сложных языковых единиц — слов, морфем, обладают известной самостоятельностью, автономностью.

Согласный /š/ — это не только элемент слов *шар*, *шум*, *мышь* и т. п., но и просто «š» русского языка сам по себе. Поэтому любой носитель русского языка понимает, если ему сказать: «Это не /s/, а /š/». Даже ребенку достаточно показать, что согласный /š/ обозначается буквой *ш*, чтобы он научился отображать этот согласный на письме, в каком бы слове он ни встретился¹. Если бы звуки речи, фонемы, не были сами по себе фактами языка, то невозможен был бы звуковой метод обучения письму и пришлось бы учить писать целыми словами. Совершенно очевидно, что если бы фонемы не обособлялись от слов, то невозможно было бы и так называемое «звуковое» (вернее было бы говорить «бук-

¹ Здесь имеется в виду графика, а не орфография (см. гл. VIII).

венное») письмо, слова писались бы как неделимые целые, что имеет место в иероглифической системе графики (см. § 311).

Мысль об известной самостоятельности фонем была развита Щербой еще в «Русских гласных». Мы находим там следующие строки: «Наилучшим доказательством этой самостоятельности элементов наших звуковых представлений служат многочисленные факты истории разных языков, известные под названием аналогических образований (*Analogiebildungen*), например: мы говорим tr'os вм. tr'as (*тряс*), при tr'esu; s'ok вм. s'ek (*сек*), при s'eku и т. д. под влиянием таких случаев, как n'os при n'esu, gr'op (*грѣб*) при gr'ebu, st'er'ok (*стерѣж*) при st'er'egu и т. д. Влияние это было бы абсолютно необъяснимым, если бы мы отрицали психическую самостоятельность таких элементов, как е, о и т. д. В самом деле, психологический смысл пропорции

$$n'esu : n'os = tr'esu : x$$

$$x = tr'os,$$

которой обыкновенно объясняют подобные явления, сводится к тому, что в глаголах с коренным вокализмом е в настоящем времени представление прошедшего времени ассоциировано с коренным вокализмом о» [14, 7].

§ 50. Известная обособленность фонем от слов, в состав которых они входят, обнаруживается, кроме того, в способности узнавать звуковой состав незнакомых слов, если они произнесены по нормам соответствующего языка. Ни один человек, знающий русский язык, не затрудняется произнести и услышать, например, такие слова, как /a'baka/ *абака* или /a'z'am/ *азям* [147], независимо от того, знакомо ему значение этих слов или нет. Их облик, т. е. звуковой, фонемный состав, не вызовет никакого сомнения. Каждый отождествит гласные слова /a'baka/ с гласными /a/ в словах /tabak/ *табак*, /katal'/ *катать*, первый согласный — с согласным /b/ в слове /bor/ *бор*, второй согласный — с согласным /k/ в слове /kot/ *кот* и т. п.

Нет человека, который знал бы значения всех слов данного языка; многие слова знакомы «понаслышке», они «узнаются» слушающими, т. е. он знает, как они звучат, как их надо произнести, но что они обозначают, ему неизвестно.

Займствование слов из чужого языка, при котором происходит, как известно, их перестройка соответственно с фонемным составом заимствующего языка, с его фонологическими правилами, было бы невозможно, если бы фонема не существовала как бы отдельно от конкретных слов, не обладала самостоятельностью. Точно так же невозможно было бы при таком условии возникновение новых слов, не связанных этимологически с уже имеющимися в данном языке. А вместе с тем таких слов в русском языке в послеоктябрьский период возникло множество. Это слова ЦИК, ГОЭЛРО, ГУМ, загс и др., материалом для образования которых служат непосредственно фонемы русского языка. Сколько раз каждому приходится слышать реплики, вроде следующей: «ВТЭК? Что это такое?» Такие реплики свидетельствуют о том, что человек правильно услышал и правильно произнес слово, значение которого ему неизвестно.

Самостоятельность фонем подтверждается, наконец, принятым в телефонии методом артикуляции, при котором для испытания линий связи применяют бессмысленные слоги, составленные из звуков данного языка. Правильное восприятие осмысленной речи зависит не только от качества тракта связи, но и от избыточности, свойственной языковому сообщению. Так как телефонистам необходимо определить именно качество тракта, а не свойства языка, они и стали пользоваться для испытания бессмысленными звуко сочетаниями, исходя при этом из подсказанного здравым смыслом соображения, что произнесение и восприятие отдельных звуков (фонем) или звуко сочетаний родного языка не может встретить затруднений. Практика показывает, что они были правы.

§ 51. Из того, что фонемы обособляются от слов и являются автономными единицами плана выражения, вытекает, во-первых, что они различаются и в таких словах и звуко сочетаниях, для которых в данном языке не существует соответствующих «парных». Так, /а/ в русском языке отличается от /е/ не только, скажем, в слове /rak/ *рак*, которому противопоставляется слово *рек*, но и в слове *мак*, хотя оно и не имеет оппозиции в виде *мек*.

Из обособленности фонемы от слова, из ее автономности, следует, во-вторых, что, зная русский язык (это условие является, разумеется, совершенно обязательным), можно определить, из каких фонем состоит, например, слово /prut/; достаточно услышать, как оно звучит, а какое значение имеется в виду в данном случае, совершенно безразлично. И в значении «водоем», и в значении «ветка», и как название реки — эти слова одинаково состоят из фонем /р/, /г/, /у/, /т/.

В-третьих, благодаря обособленности фонем состав фонем отдельного слова определяется носителем соответствующего языка без обязательного сопоставления с составом фонем других однокоренных слов, равно как и других форм того же слова. Чтобы определить состав фонем, в частности первый гласный слова *трава*, носителю русского языка нет необходимости привлекать для сравнения множественное число этого слова (*травы*) или же производное от него слово *травка*. Если бы это было не так, то мы не в состоянии были бы определить состав фонем таких слов, как *пальто*, которое не имеет других форм. Как известно, это не представляет никаких затруднений не только в сильных позициях, т. е. в позициях, где встречаются все другие фонемы, но и в слабых, где некоторые фонемы не употребляются. Так, /т/ отличается от /д/ и всех других звонких согласных также и в конце слов русского языка, хотя в этой позиции звонкие не встречаются. Поэтому-то дети на первых порах обучения грамоте всегда пишут в конце слов буквы, служащие для передачи глухих согласных.

Наконец, в-четвертых, из автономности фонемы вытекает, что она должна отличаться от всех других фонем и идентифицироваться говорящими во всех случаях ее употребления, в том числе и в таких позициях, в которых другая фонема не встречается.

§ 52. Вопрос о том, всегда ли фонемы отграничены одна от другой, всегда ли возможна однозначная идентификация фонемы в слове или в морфеме, по-разному решается представителями разных фонологических школ. Так, если никто не сомневается в том, что в русском языке /t/ и /d/ являются двумя фонемами, то вопрос о том, какая из них стоит в конце таких слов, как *рот*, *ход* и т. п., оказывается спорным.

По Щербе, фонема, представленная в аллофонах, обладающих определенными положительными чертами, всегда может быть опознана по этим чертам, так как благодаря им она потенциально может быть противопоставлена всем другим фонемам в любом фонетическом положении.

Таким образом, например, все позиционно обусловленные разновидности согласного /t/ непалатализованного (поскольку они никогда в русском языке не противопоставлены одна другой; подобное противопоставление немыслимо даже в искусственных словах), всегда представляют одну фонему — /t/. Вследствие этого произнесение таких слов, как *ход*, вопреки орфоэпическим правилам с /d/ на конце, а не с /t/, и воспринимается как неправильное или диалектное.

Другой точки зрения придерживаются фонологи, для которых фонема — это лишь член противопоставления, лишенный каких-либо положительных свойств. Они отказываются определить последнюю фонему в указанных словах, так как глухие и звонкие согласные фонематически не противопоставлены в русском языке в конце слов. Они признают, что в начале слова *том* стоит фонема /t/, потому что она противопоставляется в этом фонетическом положении фонеме /d/ (ср. *дом*); но они отказываются признать за фонему /t/ конечный согласный слова *рот*, так как в этом фонетическом положении противопоставление /t/ и /d/ в русском языке отсутствует.

Существует еще и третья точка зрения или, вернее, — особое применение термина «фонема» (вместо более употребительного — морфонема) для обозначения звуковой единицы в составе морфемы. Такая точка зрения представлена учеными, принадлежащими к так называемой Московской фонологической школе. «Каждая фонема, — писал один из основателей этой школы П. С. Кузнецов, — представляет собой некоторый класс звуков речи... Определить принадлежность того или иного звука к той или иной фонеме, не принимая во внимание морфем, в составе которых фигурирует тот или иной звук речи, невозможно. Принадлежность... к одной фонеме определяется... положением звуков речи в морфеме». И далее: «Множество звуков речи... занимающих каждый раз то же порядковое место в составе этой морфемы... входят в одну фонему или принадлежат одной фонеме» [8, 475—476]. При этом необходимо, чтобы различие между звуками было позиционно обусловленным. Так, последние согласные корни словоформ /sn'ega/, /sn'ek/ будут входить в одну фонему, так как замена /g/ на /k/ обусловлена конечным положением в слове. В слово же /sn'ežok/ появление /ž/ фонетически необъяснимо, поэтому оно, несмотря на то,

что занимает в данной морфеме то же порядковое место, относится к другой фонеме.

В сильной позиции (т. е. в позиции максимального различия фонем), например в начале слова перед гласным или внутри слова между гласными, для русского языка выступает «основной вид» фонемы, например [g] и /k/ в словах *год* и *кот*. В слабой позиции, например для русских согласных конечной в слове, каждой из этих согласных выступает как вариант либо фонемы /g/, либо фонемы /k/. Определить фонемную принадлежность можно через сильную позицию. Так, в слове *ног* /k/ будет вариантом фонемы /g/, что выявляется в форме *нога*, а в слове *ток* — вариантом фонемы /k/, что видно из формы *тока*.

Для обусловленных позиционно разновидностей основного вида фонем в Московской фонологической школе принят термин «вариация», который синонимичен терминам «оттенок» или «аллофон» [10, 215—217].

§ 53. Положение о непостоянстве границ между фонемами было сформулировано в трудах представителей Пражской фонологической школы (и примыкающих к ней фонологов) в виде теории нейтрализации [29, 69; 12, 86]. Согласно этой теории, в фонетической позиции, в которой встречается только одна из двух фонем (ср. сказанное в предыдущем параграфе о /g/ и /k/ в конце слова), противоположение между ними нейтрализуется; это ведет к его дефонологизации, т. е. к утрате различия соответствующих фонем.

Такую трактовку рассматриваемого явления нельзя признать правильной. Тот факт, что в данном языке в каком-нибудь положении та или иная пара фонем не может быть использована для различительной цели (в этом и видят сущность нейтрализации), имеет, конечно, важное значение, так как при этом число фонем, используемых в некоторых позициях, меньше их общего количества в данном языке. Однако никакой «нейтрализации», в смысле неразличения фонем, не возникает; в таких случаях может утрачиваться лишь возможность различения слов и морфем. Так, в именительном падеже слова *род* и *рот* не различаются, потому, что они «омофонемы».

Фонема /b/ не встречается в русском языке в конце слов, где она чередуется с фонемой /p/; тем не менее можно утверждать, что различение этих фонем не утрачено и в этом фонетическом положении. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при соответствующей ситуации любая из них может быть произнесена и услышана также и в так называемой слабой позиции. Когда необходимо, например, подчеркнуть, что в конце данного слова пишется буква *з*, а не *с*, или что в данном слове пишется буква *о*, а не *а*, то для этого нередко пользуются не описательными, а чисто произносительными средствами, говорят: «Нужно писать *раз*, а не *рас*, или *вокзал*, а не *вакзал*» и т. п. К такому произношению прибегают в нужных случаях учителя в школе. Этот способ широко применяется дикторами, когда они диктуют по радио материалы для областных газет. Лица, принимающие такие передачи, могли бы допустить орфографические ошибки, как это имеет место при диктовке. Чтобы избежать этого, дикторы читают вопреки

правилам орфоэпии «побуквенно», например: /včera zakončils'a prob'eg/ вместо /ičera zakon'čilsa grab'ek/ и т. п.

Таким образом, можно сказать, что хотя в конце слов, а также и перед глухими согласными в русском языке встречается только второй член противопоставления /g — k/, он сохраняет свою «индивидуальность», остается той же фонемой /k/, что и в других фонетических положениях, и не смешивается с фонемой /g/. Это доказывается тем, что чередования, возникающие в соответствующих случаях, осознаются; на этом и основаны некоторые правила русской орфографии (ср., например, правило написания приставок *из-*, *воз-*, *низ-*, *раз-*, *без-*, *чрез-*).

§ 54. Против понимания нейтрализации как дефонологизации говорят разные факты. Обычно предполагается, что, например, в словах /rot/ *род*, /roda/ *рода*, /rod'e/ *роде* (о *роде*) различие в звучании согласных /t, d, d'/ не имеет никакого грамматического значения, что признаком падежей является в первом случае только нулевое окончание, во втором — только окончание *a*, в третьем — только окончание *e*. Вместе с тем почему не считать, что /t/ наряду с нулевым окончанием является признаком именительного и винительного падежей, /d'/ — признаком предложного падежа. Эти признаки являются второстепенными по отношению к специальным морфемам, но в тех случаях, когда последние утрачиваются, чередование фонем становится доминирующим морфологическим средством. Так, когда в разговорном стиле произношения, которому свойственно отпадение падежного окончания, говорят /vrod'etava suščistv'it'l'nava/ в *роде этого существительного*, палатализованное /d'/ становится единственным признаком предложного падежа.

Что чередование фонем имеет морфологическое значение, можно подтвердить еще одним примером. В немецком языке, как и в русском, интервокальные звонкие согласные чередуются в конце слов с глухими (ср. /ta:gə/ *Tage* и /ta:k/ *Tag*). Обычно считают, что морфологическим признаком множественного числа является только суффикс *-e*; замены глухого согласного звонким не учитывают. Однако в некоторых северонемецких диалектах конечный гласный /ə/ отпадает; тем не менее это не приводит к устранению чередования согласных, а наоборот — старое чередование приобретает первостепенное морфологическое значение: глухой согласный становится единственным признаком единственного числа (/ta:x/), а звонкий — единственным признаком множественного (/ta:γ/).

§ 55. По Трубецкому, в позиции нейтрализации возникает особая фонологическая единица — «архифонема» [29, 71], под которой понимают совокупность релевантных признаков, являющихся общими для данной пары фонем; например, русские /b/ и /p/ имеют следующие общие релевантные признаки: огубленность (так как обе соответственно противоплагаются негубным /d/ и /t/), смычность (так как противоплагаются щелевым /v/ и /f/), твердость (так как противоплагаются мягким /b'/ и /p'/). Соответствующая архифонема представляет собой «губной смычный» согласный и противоплагается архифонеме «переднеязычный смычный». Признак звонкости, присущий фонеме /b/,

равно как и признак глухости, присущий фонеме /р/, не входят в архифонему, так как они не являются общими для обеих фонем. Именно в «утрате» этих признаков и заключается нейтрализация противоположения /b/ и /p/. Таким образом, архифонема /b — p/ лишена признака звонкости или глухости, а вместе с тем лишена и материальной реальности, так как немислим согласный, который был бы и не глухим, и не звонким.

То, что именуют термином «архифонема», представляет лишь связь, отношение между фонемами, но отношение не является субстанцией, а потому и не может выступать в потоке речи как составная часть слова. Поэтому что-то должно заменять ее в реальной речи. Трубецкой и анализирует вопрос о том, что может выступать в качестве представителя архифонемы. По его мнению, глухие шумные фонемы, выступающие в конце слов в русском языке, по существу, являются не соответствующими фонемами, а представителями архифонемы. Вместе с тем (и это важно подчеркнуть, так как это отличает взгляды Трубецкого от взглядов представителей Московской фонологической школы), по Трубецкому, в конце слова /stok/ всегда будет фонема /k/, независимо от того, заканчивает ли она слово *сток* или *стог*.

В Московской фонологической школе особо рассматриваются случаи, когда невозможно изменить слово так, чтобы получить соответствующий звук в сильной позиции. Так, например, первый гласный в слове *собака* никогда не бывает под ударением. В этом случае определить фонемную принадлежность гласного согласно рассматриваемой концепции невозможно, перед нами особая единица — гиперфонема *a/o* [8, 479].

§ 56. Единственной фонетической единицей, обнаруживающейся в результате непосредственного анализа речевого потока, в результате его членения, является фонема. Вместе с тем, как это видно из предыдущих параграфов, анализ звуковой стороны языка показывает, что если данная словоформа характеризуется вполне определенным составом фонем, то этого нельзя сказать о морфеме.

Одна и та же морфема может иметь в разных словоформах разный состав фонем. Более того, в языке могут существовать такие фонематические противопоставления, которые не обеспечивают различения морфем во всех фонетических условиях. Так, в русском языке нет двух морфем, которые различались бы тем, что в конце одной всегда была бы, например, фонема /d/, а в конце другой — фонема /t/. Напротив, в морфеме, имеющей в конце /d/, в определенных фонетических положениях это /d/ будет обязательно заменяться /t/.

Р. И. Аванесов, признавая фонему единицей, достаточной «для различения звуковых оболочек словоформ» [1, 21], считает необходимым различать сильную и слабую фонему. «Сильная фонема, — пишет он, — выступает в позициях максимальной дифференциации, в которых различается наибольшее количество звуковых единиц, а слабая фонема — в позициях наименьшей дифференциации, в которых различается меньшее количество звуковых единиц» [1, 21].

Существенно то, что сильная фонема способна различать звуковой облик как словоформ, так и морфем, слабая же фонема звукового

облика морфем различать не может. Так, /k/ в словоформе *кот*, например, как сильная фонема является обязательным признаком корневой морфемы этого слова, в словоформе же *рок* /k/ — слабая фонема, так как, отличая эту словоформу от *рос*, *рот* и т. п., она не может сигнализировать о том, имеем ли мы дело с корневой морфемой слова *рока* или же слова *рога*.

Неспособность фонематического противопоставления постоянно обеспечивать различение всех значимых элементов языка дает основание говорить о наличии наряду с фонемой более крупной фонетической единицы, которую можно назвать морфемой, как это принято, например, в работе М. Халле [167], который считает ее единственной фонологической единицей языка. С. И. Бернштейн [2] предлагал для ее обозначения термин «фонема 2-й степени», а для обозначения фонемы соответственно «фонема 1-й степени». Такую единицу Р. И. Аванесов называет «фонемным рядом», который он определяет как кратчайшую звуковую единицу в составе морфемы (в отличие от фонемы, являющейся кратчайшей звуковой единицей в составе словоформы). Фонема /t/ в слове *ход*, например, является одновременно членом фонемного ряда /d — t/ [1, 18].